

Татьяна Кравченко

ИГРА В ПУСТЯКИ

Генрих Сапгир как продолжатель дела Винни-Пуха

К СВЕДЕНИЮ тех, у кого в доме нет маленьких детей: игра в пустяки подробно описана английским писателем Аланом Милном, а честь ее изобретения принадлежит знаменитому медвежонку Винни-Пуху и его другу, поросенку Пятачку. Особого интеллекта игра не требует: игроки бросают в речку палочки, а потом стоят и ждут, чья палочка выплывет из-под мостика первой. В процессе плавания палочка может затеряться, может прибиться к берегу, а может вообще деться неизвестно куда. Судьба палочки причудлива и непредсказуема, но потерявшуюся не жалко, всегда можно взять другую и так же отправить в плавание.

Но разве мог предположить милый плюшевый медвежонок с опилками в голове, что через много-много лет его изобретение снова окажется в моде, и уже не только в Сказочном лесу?

Потому что примерно тем же, чем Винни-Пух и его друзья, занимается теперь не кто-нибудь, а известный поэт Генрих Сапгир, на этот раз выступивший в качестве прозаика (повесть «Дядя Володя», «Дружба народов» №7, 1998). Как Винни-Пух бросает в речку палочку, так и Сапгир бросает своего героя, дядю Володю, в текущие волны реальности-ирреальности и с нетерпением ждет, где герой всплывет на сей раз: в Малаховке, Париже или у Кавказских гор. И с какой дамой он на сей раз закрутит очередные амуры: с той, у которой ягодицы, как спелые яблоки, или с той, у которой груди, как холмы. Впрочем, выбор дам у героя Сапгира куда шире и разнообразнее, чем у медвежонка Винни-Пуха: выбор палочек в лесу.

Вообще вся интрига повести строится на удивительной способности дяди Володи, приняв на грудь стакан-другой-третий-четвертый, «свободно переноситься из страны в страну, из города в город, прыгать по времени и пространству — наяву? во сне? — и разносторонне удовлетворять многочисленных любовниц. Причем милым дамам он любезен не только в своем исконно мужском облике, но и в виде персидского кота, дворняги или белого пуделя. Такие у него, знаете ли, способности...

Из-за очередной прелестницы незадачливый супермен российского розлива попадает в жуткую переделку: родственники дамы — мафиози — навязали дяде Володе контрабанду — старинный золотой крест с рубинами и сап-

Генрих Сапгир.

Фото Андрея Никольского (НИ-фото)

фирами. Перенести реальный крест через реальную границу с помощью одних только эротических фантазий — задача не из легких. Впрочем, кто сказал, что крест настоящий? Кажется, крест ему только померещился, как, впрочем, и прелестница из мафиозного клана, и сами Кавказские горы... И вполне возможно, в конце концов героя сразил вовсе не подосланный мафией киллер, а банальный цирроз печени... Все может быть, потому что реальность у Сапгира перетекает в ирреальность так же плавно, как пересыпается песок в песочных часах. Из дачного яблоневого сада Малаховки видна Эйфелева башня, а вообще-то это не дача, это особняк под Кельном. Герой — а вслед за ним и читатель — уже окончательно перестает понимать, где он, кто он. Кот? Пудель? Дядя Володя? Борис Савинков? Он в Чикаго или в Нью-Йорке? В Париже? В Москве? В Иерусалиме? Время и пространство уплотняются до невозможности, закручиваясь в воронку, словно смерч, и затягивая внутрь и дядю Володю, и его «заботливое окружение, тысячу любящих женщин, и все — одна мама-жена-любовница-сестра-дочь»...

И тут мне, читателю, хочется вежливо поинтересоваться: зачем уважаемому автору понадобились такие дикие скачки? И вообще, к

чему и чего ради нагроможден этот парижско-малаховский огород?

Однако автор, похоже, не намерен испытывать читательское терпение слишком долго. Ближе к концу повести все вроде бы становится на свои места. При желании можно даже вздохнуть, как пушкинская Татьяна: ужель загадку разрешили, ужели «слово» найдено? Найдено. Оказывается, дядя Володя — не просто так герой-любовник, а воплощенная женская мечта. Сакральная мечта. Мужчина из снов, образ, сотканный в глубине подсознания. То, что каждой хотелось бы иметь у себя и для себя. Одним словом, наш общий женский идеал.

А вот уж тут мне (читательнице), как Станиславскому, хочется закричать: «Не верю!» Это текущее нечто, называемое дядей Володи, так же похоже на женский идеал, как «кукла», изображающая пачку денег, похожа на настоящую банковскую пачку.

Во-первых, бабник. Бабник не может быть идеалом, ибо это качество допускается в чужих мужчинах, но страшно бесит в своем собственном. Любая нормальная дочь Евы может делать хорошую мину при плохой игре, маскируя зубовный скрежет кокетливым смехом, но, будьте уверены, в глубине души она отнюдь не мирится с ситуацией и лишь ждет подходящего момента, чтобы взять реванш у ненавистных соперниц.

Во-вторых, бездельник. Конечно, так уж сложилось в нашем государстве, что многие женщины вынуждены обеспечивать семью. Но мечтают они совсем, совсем не об этом. Любая, даже двузильная, особь женского пола все-таки предпочтет иметь на шее не бездельника-мужа (или бездельника-любовника дядю Володю), а подаренное мужем (любовником) бриллиантовое кольцо. Ну пусть не бриллиантовое, пусть не кольцо, но чтобы хоть что-то в дом приносил! К дяде Володе с таким призывом обращаться совершенно бесполезно.

В-третьих... Хотя, пожалуй, я не стану перечислять всех чисто дамских претензий к персонажу — места не хватит. Просто будем считать провозглашение дяди Володи женским идеалом милой авторской шуткой.

На самом же деле повесть Сапгира, как и ее главный герой, только прикидывается подарком женщинам. Потому что на самом деле дядя Володя — воплощение отнюдь не женской, а сокровенной мужской мечты. Здесь соблюдены все три традиционных мужских условия «красивой жизни»: вино, женщины и... нет, не карты, но игра. Азартная игра, будоражащая кровь и дающая остроту ощущений, игра в чужие жизни и смерти. Кстати, то, что дядя Володя проделявает лишь силой воображения, многие и многие мужчины делают с помощью компьютера. Ибо компьютерные игры и виртуальный секс, в общем-то, очень похожи на путешествия сапгировского персонажа...

Правда, в реальности, которая с трудом, но все же вычлняется из повести, этот персонаж, этот «мужской идеал» влечит крайне жалкое существование — не в пример молодым хакерам. Выпил, еще выпил, выпил в третий раз. А после четвертого душа воспаряет и отправляется в плавание по безбрежному океану жизни, из города в город, от женщины к женщине. Только все равно получается не плавание по океану, а барахтанье в луже. Сплошной суррогат.

Если принимать «Дядю Володю» — и повесть, и персонаж — всерьез, то становится очень грустно. Но на серьезное восприятие автор, кажется, и не рассчитывал. Поэтому повесть получилась такой же, как жизнь дяди Володи: зыбкой, и легкой, и непринужденной, и совсем необязательной. Все в ней игра, все — пустяки. Бросил палочку и смотри, когда она выплывет. А не выплывет — тоже невелика беда. Другую бросим.

Мало ли мусора в нашем лесу. ■

Независимая газета. - 1998. - 8 сент. - с. 7.